

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

 Материалы к биографии

японских ученых и решил через меня установить связь с племянницей, которую разыскивал сорок лет. Нелли вырастили дальние родственники Н. А. Невского, очень хорошие люди, кроме того, ей всегда помогал друг отца, академик Н. И. Конрад.

Нелли, воспитанная в русской среде, увы, совершенно забыла японский, язык своего детства. И по сей день она живет в Ленинграде, работает врачом-педиатром.

Волею судьбы архив Невского стал достоянием науки двух стран. Обмен материалами и микрофильмами, вероятно, дело будущего, а сотрудничество ученых России и Японии будет истинным памятником Николаю Александровичу Невскому.

О родителях

Е. Н. Невская

Вспоминая родителей, я погружаюсь в мир далекого-далекого детства, с которым у меня связано все самое теплое, светлое и дорогое.

С тех пор прошло более 54 лет, т. е. вся жизнь с ее хорошим и плохим. Многие забылось, стерлось, но кое-что осталось. Из раннего детства, относящегося к японскому периоду жизни, в моей памяти сохранился один яркий эпизод. Николай Александрович принимает сидячую японскую ванну, отдаленно напоминающую деревянную бочку, только бо́льших размеров. Он берет меня в руки и опускает в воду. По краю ванны ходит маленькая обезьянка и пытается своими лапками «мыть» мне голову. Вероятно, это происходило незадолго до отъезда Николая Александровича, т. е. мне было около полутора лет.

Обычно же я вспоминаю отца за работой, сидящего в кабинете за письменным столом, обложенного книгами, бумагами, карточками, в клубах табачного дыма. Работал он очень много и во многих местах. «В настоящее время Н. А. работает в ЛВИ в качестве профессора на специальном японском секторе, в ЛИФЛИ — в качестве профессора на II-м курсе японского разряда, где читает лекции по японской фонетике, и в ИВ Ак[адемии] Н[аук], где работает над определенными планом японскими темами (в том числе над ударной темой Японского кабинета по переводу "Нихон Гайси"), над описанием тангутских рукописей и ксилографов и занимается с аспирантами. В ЛВИ он дает консультацию студентам и ведет методологический семинар с нерусскими преподавателями японского языка (японцами и корейцами)». В Университете он также читал лекции и вел занятия со студентами. Несмотря на такую загруженность педагогической работой, Н. А. вкладывал всего себя в науку. Для этого нужно было время, которое он черпал за счет своего сна и отдыха. Он дорожил каждой минутой. Спал по 4—5 часов в сутки, стараясь ежедневно сделать как можно больше. Казалось, что он торопится, боится не успеть завершить начатое. Такой режим был у него и во время отпуска, поэтому при выезде на дачу основной багаж составляли книги, рукописи, карточки.

Н. А. был очень скромным человеком. Он никому не рассказывал о своих открытиях и достижениях. Он работал не для славы, а для науки. Наша дальняя родственница, Т. Н. Крылова, прочитав книгу Л. Л. Громковской и

Е. И. Кычанова о Невском, сказала мне, что она никогда не думала, что «он такой большой ученый». Если бы она это знала, то постаралась бы сохранить все его многочисленные письма как из Рыбинска, так и из Японии, которые она уничтожила в 1937 г.

Ежедневно к 9 часам утра отец уходил на работу, а возвращался часов в 7. Причем зимой, когда Нева была крепко скована льдом, он всегда шел через реку. Я обычно выходила его встречать. Увидев его в конце улицы, я бежала навстречу, и мы, взявшись за руки, шли к дому. По дороге он расспрашивал, как я провела день, какие оценки получила в школе. Его очень огорчали мои первые тройки по чистописанию и русскому языку. Дело в том, что с 1935 г. я посещала занятия в группе, где разговорным языком был немецкий. Обучали нас и русскому как устному, так и письменному, следили за орфографией, но не обращали внимания на почерк. Естественно, что, поступив в 1937 г. прямо во 2-й класс, я зарабатывала по чистописанию и, соответственно, по русскому языку — «уд.»-ы. Правда, с III четверти я была уже «круглой» отличницей, но родителям не суждено было этого дожидаться.

Придя домой, отец обедал, рассказывал маме о событиях дня, около часа занимался со мной: читал вслух, шутил, рассказывал смешные истории, рисовал — и... шел работать до 3—4 часов утра. Иногда он о чем-нибудь спрашивал у мамы, и она охотно ему отвечала.

О моей матери написано мало, но она достойна того, чтобы рассказать и о ней. Она всегда была для Н. А. верным другом, помощником, заботливой женой и создавала все условия для его душевного покоя и плодотворной работы.

Мама японка, родилась на острове Хоккайдо в деревне Ирика. Она получила не только среднее, но и музыкальное образование, превосходно играла на национальном инструменте *бива* и пела, аккомпанируя себе. В Японии она успешно выступала как исполнительница старинных баллад под артистической фамилией Кёкурэн.

Вопреки воле родителей мама вышла замуж за русского. Их бракосочетание состоялось в Генеральном консульстве СССР. После отъезда мужа на родину она подвергалась преследованиям полиции, поэтому вынуждена была некоторое время скрываться и прятать меня у своих друзей. Она очень тяжело переживала разлуку с мужем и, как только пришел вызов от него, сразу уехала в чужую страну к любимому человеку, бросив родных, друзей, работу. Это было в августе 1933 г. А в 1934 г. она уже работала преподавателем японского языка в ЛВИ (Ленинградский Восточный институт) и ЛИФЛИ (Ленинградский институт истории, философии и литературы). Она была перегружена работой, но, несмотря на это, была хорошей хозяйкой, заботливой матерью и женой. Она великолепно готовила, шила и вязала, так что мы с отцом были «обвязаны» с головы до ног.

Мама прекрасно рисовала и часы досуга посвящала любимому занятию. Я помню, как, взяв кусочек графита плашмя, она вырисовывала стволы бамбука, и из-под ее руки быстро появлялись традиционные японские пейзажи. Также было много маминых рисунков, выполненных карандашом и углем. Она очень красиво писала как по-японски, так и по-«европейски».

Иногда, под настроение, она брала в руки бива и, тихонько наигрывая, пела. Когда собирались гости, она всегда пела по их просьбе. У мамы было три инструмента, которые стояли на специальных подставках в нише комнаты.

Как вспоминают очевидцы, моя мать была европеизированной женщиной — держалась свободно, раскованно и даже позволяла себе красить губы, что в то время было не принято на Востоке.

Из дома выбирались очень редко. Единственное место, куда мы регулярно ездили, это на Крестовский остров, к родственникам, Афросимовым, навестить папину тетю, Варвару Николаевну Крылову, у которой он воспитывался.

Материалы к биографии

вался в детстве. Сразу по возвращении на родину он посчитал необходимым перевезти ее из Рыбинска в Ленинград, так как очень беспокоился о ее здоровье. Варваре Николаевне тогда было 79 лет. Не имея возможности из-за жилищной неустроенности взять тетю к себе, отец договорился с Афросимовыми, которые и предоставили ей комнату в своей квартире. Содержание тети Н. А. взял на себя.

Афросимовы — Виктор Леонтьевич (троюродный брат Н. А.) и его жена Мэри Константиновна — были чудесные люди и отличались добротой и исключительной порядочностью. Обычно в дни нашего приезда у них собирались и другие родственники. Отец был хорошим рассказчиком и благодаря этому всегда находился в центре внимания. Все знавшие его отмечали, что он обладал великолепным чувством юмора и производил незабываемое впечатление своим светлым умом. Где бы он ни был, своим присутствием оживлял все вокруг. Пока взрослые разговаривали, мы, дети, играли в других

Н. А. Невский с женой и дочерью

комнатах. Я очень любила ездить к Афросимовым.

Мои родители были очень доброжелательными людьми и гостеприимными хозяевами, поэтому у нас постоянно кто-нибудь бывал. Приходили знакомые, родственники, друзья, среди которых было немало японцев.

Особое оживление вносили в наш дом папины друзья — Б. А. Васильев¹ и Ю. К. Щуцкий². Они были востоковедами, людьми умными, эрудированными

¹ Васильев Борис Александрович (1899—1937). Китаевед — исследователь литературы, языка, театра. Профессор Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), Ленинградского Восточного института (ЛВИ), Ленинградского государственного университета (ЛГУ), сотрудник Азиатского музея (АМ), Института буддийской культуры (ИНБУК), Института востоковедения (ИВ). Арестован 6 сентября 1937 г., расстрелян 24 ноября 1937 г.

² Щуцкий Юлиан Константинович (1897—1938). Китаевед-филолог и историк китайской философии. Сотрудник АМ, ИВ, преподаватель ЛВИ и ЛИЛИ

ми, наделенными неисчерпаемым чувством юмора. Комната сразу наполнялась гулом их голосов, часто прерываемым дружным смехом. Их объединяла давняя дружба, духовная близость, общность интересов. Они с удовольствием встречались и проводили время вместе. Между собой они звали Васильева — Бус, а его жену — Тапси (я не помню ее имени, кажется, Татьяна).

Довольно часто спускался к нам Н. И. Конрад¹, который жил выше этажом (отец вместе с ним работал по составлению японско-русского словаря). Когда он появлялся в дверях нашей комнаты, я подбегала к нему, и мы, взявшись за руки (скрестив их перед собой), танцуя венгерку, скакали до папиного кабинета. Это было нашим ритуалом.

Иногда Николай Иосифович приходил не сам, а присылал отцу записку со своей домработницей. Н. А. всегда ворчал, получая такие «послания»: «Надо же иметь такой почерк! Нацарапал как кура лапой». В таких случаях я обычно приходила на помощь, брала записку и благополучно ее «переводила».

Из японцев я хорошо помню двоих: Мори-сан² и Нами Нину³.

Мори-сан был стройным, красивым молодым человеком с изысканными манерами. Бегло говорил по-русски. Великолепно танцевал. У него был приятный голос, и он любил петь русские романсы.

Нами Нина — молодая, очень симпатичная, веселая и жизнерадостная женщина. Первое время бывала у нас со своим мужем, Хваном Иваном, который был значительно старше ее. Затем, разойдясь с ним, приходила одна. Всегда очень искренне и заразительно смеялась.

Когда приходили японцы, родители играли с ними в японскую игру мадзан, и дома звучала только японская речь.

Периодически у Н. А. появлялась потребность пообщаться с академиком В. М. Алексеевым. С этой целью он удалялся на другую половину квартиры, где жили Алексеевы, и мы с мамой знали, что он быстро не вернется. Н. А. очень уважал и любил своего учителя, «вдохнувшего» в него «интерес к странам Дальнего Востока». Любовь между учителем и учеником была взаимной. Они всегда находили общий язык и могли увлеченно беседовать до глубокой ночи.

У Василия Михайловича было две дочери и сын. С младшей дочерью — Мусей (М. В. Баньковской) — я подружилась с первых же дней, как приехала в Ленинград. Мне было пять лет, она — на год старше. Я не знала ни одного русского слова, но мы прекрасно понимали друг друга. Другие дети

(Ленинградский историко-лингвистический институт). Арестован 2 августа 1937 г. Выездной коллегией Верховного суда 18 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

¹ Конрад Николай Иосифович (1891—1970). Японец, китаевед. Сотрудник ИВ, профессор ЛВИ и ЛГУ. Арестован 29 июля 1938 г. В ноябре 1939 г. Приговорен к 5 годам ИТЛ. Освобожден 6 сентября 1941 г. Впоследствии работал в Москве. С 1958 г. — академик АН СССР.

² Мори Миноро (другие псевдонимы: Чейрин, Киси Хочиро; настоящая фамилия — Ёсикава) (1908—1937), японец, советский подданный, японовед. В 1931—1932 гг. — студент КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), 1933—1936 гг. — преподаватель японского языка в ЛВИ, в 1936—1937 гг. — преподаватель ВПАТ (Военно-политическая академия им. Толмачева), референт Музея истории религии, сотрудник Института истории. Арестован 29 мая 1937 г. Расстрелян 24 ноября 1937 г.

³ Нами Нина, японка, бывшая жена японца Хвана Ивана. Жила в общежитии ЛВИ. В 1938 г., когда пришли ее арестовывать, выбросилась из окна пятого этажа. Остался маленький сын, Ким, 10—12 мес.

Материалы к биографии

В. М. были намного старше и не интересовались такой мелюзгой, как я. (Со второй дочерью В. М. — Люсей — мы сблизились уже после войны; сын В. М. погиб на фронте.) Благодаря дружбе с Мусей, продолжающейся и по сей день, я быстро научилась говорить по-русски. Таким образом, В. М. был учителем моего отца по восточным языкам, а его дочь — моей первой учительницей русского. А моя мама так и не успела научиться хорошо разговаривать по-русски...

Наступил 1937 год. Шли повальные аресты. В подъездах появлялись какие-то незнакомые мужчины. Они стояли в парадной между дверей, под лестницей, либо лицом к лестничному окну. Стояли часами неподвижно, вызывая тревогу и страх. Вскоре после их появления из квартир стали навсегда исчезать люди.

Н. А. возвращался домой хмурый, подавленный и с горечью сообщал, что на работе не было такого-то и такого-то сотрудника. И так изо дня в день. Особенно тяжело переживал он аресты своих друзей: весной арестовали Мори-сан, в августе — Щуцкого, в сентябре — Васильева. Ждал ареста и Н. А. Я помню, как в начале осени собрались у нас «остатки» друзей. Сидя за накрытым обеденным столом, Н. А. с грустью отметил, что очень нелегко видеть, как с каждым днем суживается круг друзей. Возможно, завтра уже не будет и кого-либо из присутствующих. Сам он не боится ничего, так как прожил честную жизнь, а волнуется за свою дочь — что с ней будет, если его арестуют? После этих слов Н. И. Конрад сказал, что, если Н. А. это коснется раньше чем его, он возьмет дочь к себе, воспитает и даст ей образование.

Н. А. арестовали 4 октября 1937 г. За ним пришли ночью, но он еще работал. Отец сказал маме, что это какое-то недоразумение, он съездит, выяснит в чем дело и часа через два вернется. Очень просил ничего не трогать на письменном столе, так как по возвращении собирался продолжить работу. В прихожую кроме нас с мамой провожать его вышли Василий Михайлович и его жена, Наталия Михайловна. Папа всех обнял, поцеловал, надел легкий плащ и направился к выходу. В дверях он обернулся, бросил Алексееву: «Прощайте!» — и вышел.

Через четыре дня пришли за мамой. Она сразу попросила пригласить Н. И. Конрада, чтобы он взял дочь, но услышала в ответ: «Никаких Конрадов! Дочь будет отправлена в детдом». Только после того как мать упала в обморок, за Конрадом был послан дворник.

Так кончилась моя жизнь с родителями. Я их больше никогда не видела. Но о том, что они у меня были, и не простые, а репрессированные, да к тому же «враги народа», мне напоминали постоянно и порой в такой форме, что жить не хотелось.

Через некоторое время после ареста мамы в кабинет Н. А. был прислан А. А. Холодович, чтобы составить опись бумаг и книг. Мне рассказывали, что в ту пору он раздавал всем желающим различные работы Невского. Так, в 1984 г. одна из японисток передала мне полученную от Холодовича пьесу Тикамацу Монзаэмон «Копьеносец Гонза», переведенную Невским и не публиковавшуюся ранее.

Александр Алексеевич Холодович бывал у нас в доме чаще других. Летом 1934 г. вместе с нами совершил круиз по Волге, неделями жил у нас на даче. С 1937 г. я его не видела. Помню его в очках: толстые стекла в черной оправе. Он был очень подвижный, никогда не сидел спокойно, постоянно улыбался и посмеивался. В 1962 г. я получила от него поздравительную телеграмму в связи с присвоением Невскому Ленинской премии. Позже, когда Хо-

лодович был тяжело болен и прикован к постели, мне сообщили, что он очень хочет меня видеть. Сразу выбраться к нему я не смогла, а потом уже было поздно.

Я очень сожалею, что не встретила с Александром Алексеевичем, так как, получив доступ к «Делам», я узнала, что Холодович был «с. с. (секретный сотрудник. — Е. Н.) 3-го отдела УНКВД», т. е. того отдела, где под следствием находились мои родители. Возможно, он был переводчиком у моей матери или мало ли что еще мог бы рассказать...

После Конрадов я жила еще в трех семьях. Я была ребенком, а никто из попечителей никогда не делал запроса о судьбе моих родителей. Да это и понятно. Мы жили в страшное время, когда люди боялись произносить фамилию арестованного вслух, когда ради собственного благополучия некоторые даже отказывались от своих близких: дети — от родителей, жена — от мужа и наоборот. Поэтому те, кто брали меня на воспитание, совершали гражданский подвиг, так как рисковали своей жизнью. Я им благодарна и очень обязана.

Когда мне исполнилось 18 лет, я начала поиски своих родителей. Мне было необходимо узнать, живы они или нет. Я поехала в Москву и обратилась в Приемную КГБ. Посетителей принимали три раза в неделю, с 9 до 19 часов. Я приехала к 6 часам утра и увидела колоссальную очередь: 3 тысячи человек только по записи, а кроме этого много незаписанных. Я попала в число последних. Стояли люди, интересовавшиеся арестованными только в 1937—1938 гг. Моя очередь подошла за 10 минут до окончания приема. Его вел солдат, который принимал от посетителей написанные заранее заявления и фиксировал их поступление в журнале.

Через полгода меня вызвали в КГБ и сообщили: отец умер 13 февраля 1945 г., мать — 12 декабря того же года. Мне не хотелось верить этому сообщению. Я все время ждала их, поэтому, вероятно, считала, что они живы. В последующие годы я еще дважды посылала запросы, но получала все тот же ответ.

После реабилитации родителей (1957—1958 гг.) мне выдали официальные свидетельства о смерти. В свидетельстве о смерти отца значится: умер 13 февраля 1945 г., причина смерти — миокардит, в свидетельстве о смерти мамы — умерла 12 декабря 1945 г., причина смерти — нефрозо-нефрит. На бланках стоят подписи и печати, как положено.

Эти даты постепенно вошли в мое сознание и фигурировали во всех ссылках, где требовались даты смерти моих родителей.

И только сейчас, в 1991 г., когда открылся доступ к «Делам», я узнала, что и отец и мать — оба были р а с с т р е л я н ы в один и тот же день — 24 ноября 1937 г.

Я написала «открылся доступ к Делам». В прямом смысле слова — открылся, и я имела возможность держать в собственных руках «Дела» своих родителей. В течение нескольких дней в феврале-марте 1991 г. я сидела в отдельном кабинете Большого Дома (так называется в Санкт-Петербурге здание КГБ), читала, перечитывала и дословно переписывала эти убогие бумажки, решившие судьбу моего отца и моей матери. Из тех же источников я узнала и о судьбах папиных друзей. Все это производит непередаваемо тяжелое впечатление. Во время чтения у меня холодело внутри, руки тряслись и перехватывало дыхание. Что они, бедные, пережили!

У отца, фактически, два, а у матери — всего один короткий допрос, на котором она отрицала все предъявленные ей обвинения, — и... нет людей.

Супруги Невские

При изложении я позволю себе объединить «Дела» моих родителей, ибо они оба обвинялись в шпионаже: отец как руководитель шпионской группы, вербовавший людей, а мать — как завербованный им агент. В их «Делах» упоминаются одни и те же лица, приложены одинаковые выдержки из допросов и при пересмотре дел заключения делаются общие.

Хранятся эти бумаги в папках из тонкого картона коричневого цвета, на котором крупно оттиснуто черной типографской краской: Д Е Л О №... Следует штук шесть шестизначных номеров с какими-то буквами. Некоторые из них перечеркнуты.

Все страницы (различного формата) жирно пронумерованы, если даже содержат 3—4 строчки. Например:

Протокол обыска № 3337

1. Паспорт ЛФ № 555709 на имя Невского
2. Проф. билет № 080243
3. Переписка.

Опечатано: комната с иностранной литературой.

или (на маленьком клочке бумаги):

Лен. тюрьма

квит. № 9329 4/Х—37 г.
на 76 р. 80 коп.

Фотографий нет и похоже, что не было.

Каждое «дело» состоит из двух частей: I — «собственно» дело и II — материалы, собранные уже в 50-е годы при пересмотре дел.

«Дело» Невского состоит из 155 страниц, из которых 65 относятся к I части. Фактически же I часть значительно короче, так как первые две страницы занимает «Опись бумаг, находящихся в деле», и, кроме того, допросы написаны рукой следователя и приложена их машинная копия.

Опись бумаг, находящихся в деле (I части. — Е. Н.)

- Постановление на арест.
- Ордер на арест.
- Протокол обыска.
- Анкета арестованного.
- Денежная и вещевая квитанции.
- Протокол допроса 4/Х.
- Протокол допроса 25/Х.
- Протокол допроса 15/ХI.
- Протокол допроса Иванова (отсутствует. — Е. Н.).
- Протокол допроса Чикирисова 20/IX (выдержка из протокола. — Е. Н.).
- Протокол допроса Жукова (выдержка из протокола. — Е. Н.).
- Обвинительное заключение.

Постановления на арест как отца, так и матери составлены оперуполномоченным 2 отделения 3 отдела УНКВД ЛО сержантом ГБ Гаркавенко в сентябре 1937 г.: отца — 3/IX, матери — 7/IX, хотя они были арестованы в ок-

Материалы к биографии

тябре 1937 г. Они обвиняются в том, что являются агентами японской разведки и занимаются шпионско-диверсионной деятельностью. Оба эти постановления подписаны сержантом Гаркавенко, начальником 2 отделения 3 отдела Голубом и начальником 3 отдела УНКВД майором Перельмутром и никем не утверждены.

Под постановлением на арест отца написано его рукой: «Настоящее постановление мне объявлено 22/XI—37 г.» — и стоит его подпись. Это означало, что полтора месяца он находился в заключении, подвергался пыткам и издевательствам и даже не знал, в чем его обвиняют! Узнал об этом за день до расстрела.

Под постановлением на арест матери записано рукой следователя: «Подписать отказалась». В ордере на арест на месте фамилии сотрудника, направляемого для этого дела, стоит прочерк: ордер никем не подписан.

Далее следуют протоколы допросов. Написаны они рукой следователя, и каждая страница скреплена подписью обвиняемого.

Первый допрос — стандартный для всех; вопросы касаются лишь знакомых в Ленинграде, других городах Союза и за рубежом.

Первый допрос матери состоялся 21/X, а второй — 16/XI, т. е. через полтора месяца после ареста; только тогда она узнала, в чем ее обвиняют. Бедная мама! Все это время она жила в ужасной тюремной обстановке, в неведении, с тяжелыми мыслями о муже и ребенке. У мамы была очень тонкая и чувствительная душа, но она не могла даже поделиться с кем-либо своими думами. Быть может, ей приходилось терпеть издевательства и насмешки еще и в камере, так как она была японкой и не знала русского языка (неизвестно ведь, кто ее окружал).

А обвиняли ее в том, что в 1932 г. (!) она была завербована своим мужем в агентуру японской разведки, по его заданию сама завербовала японцев Мори и Хвана Ивана, а также имела связь с японской разведчицей Абэ.

Она оказалась мужественной женщиной и нашла в себе силы до конца отрицать все предъявленные ей обвинения. Возможно, такая стойкость объясняется чертой национального характера, а также огромной любовью к мужу.

Основной допрос отца — второй по счету — от 25/X. Третий допрос — короткий, протокол занял одну страницу, и вопросы касаются только Б. А. Васильева, поэтому здесь я их обобщаю.

Если в тексте первого допроса имеются помарки с пометкой «исправленному верить», но с четкой подписью Невского, то в последующих — обратная картина: текст написан четко и гладко, словно чистовик домашнего сочинения, зато в подписях — буквы наползают одна на другую, а порой и вовсе стоят какие-то закорючки.

Из допросов следует, что Невский перед отъездом на родину в 1929 г. в Осака был завербован полицейским чиновником Симадзаки, который с 1925 г. изредка заходил к Невскому по долгу службы как к иностранцу, интересовался его бытом, работой, окружением. В 1929 г., узнав, что Невский собирается вернуться в СССР, категорически потребовал от него стать секретным сотрудником японской разведки и принять от нее задания по шпионской работе. «Симадзаки сказал, что я настолько крепко связан с Японией, что отказываться нельзя».

Задания разведки следующие:

- «1) Проникнуть в научные учреждения, готовящие кадры для работы на Востоке. Сблизиться с руководящим со-

ставом этих учреждений, наметить людей, которых можно использовать в контрреволюционных целях.

- 2) Выявлять и сообщать японской разведке подробные данные (политического характера), связи, поведение о людях, готовящихся для работы в Японии.
- 3) Собирать для японской разведки шпионские материалы о состоянии Красной Армии, в частности авиации, и производственной деятельности оборонных предприятий».

Связь осуществлялась через японское посольство (агент японской разведки — Абэ).

Чтобы связаться с Абэ, «в 1923 г. я приехал в Москву в спецкомандировку¹. Зашел к Плетнер², она позвонила Абэ, вызвала ее к себе и познакомил нас».

«По прибытии в СССР я в соответствии с полученным от Симадзаки заданием поступил на работу в Ин. Восток. АН СССР в Лен-де. Работая в этом институте, я делал все, чтобы заслужить доверие руководящих работников ин-та и др. научных учреждений. Одновременно я сблизился с теми лицами, которые, с моей точки зрения, могли быть использованы для шпионской и подрывной деятельности. В результате тщательного изучения отдельных сотрудников, начиная с 1932 г., мне удалось обработать и привлечь к шпионской деятельности ряд работников научных учреждений и ин-тов г. Л-да, часть которых я впоследствии связывал с агентом японской разведки — Абэ».

Таким образом были привлечены к шпионской деятельности: жена — Мантани-Невская И., Васильев Б. А., Щуцкий Ю. К., Мори М., Хван Иван, Жуков Д. П., Чикирисов В. Е.

От Мори получены сведения «о численности гарнизона ЛВО, мощности авиапарка в Л-де, о количестве и состоянии аэродромов в Лен. ВО».

Васильев передал «материалы о расположении воинских частей в Пскове и Кронштадте, характеристики профессорско-преподавательского состава ЛВИ <...>

Хван Иван рассказал, что является секретным сотрудником НКВД <...> НКВД поручило ему тщательно наблюдать за мной и японцами (Мантани и Мори). По моему заданию Хван сообщал НКВД сведения, не соответствующие действительности, чтобы отвлечь внимание НКВД от контрреволюционной деятельности вышеперечисленных лиц».

Допросы проводили: ст. лейтенант КГБ Голуб и оперуполномоченный Слепнев.

Далее приложены к «делу» копии выдержек из допросов В. Е. Чикирисова от 20.10.37 и Д. П. Жукова от 14.11.37, а в «деле» матери — еще и Невского от 25.10.37.

¹ Невский безвыездно жил в Японии с 1915 по 1929 г.

² Плетнер-Белаго Евгения Дмитриевна — научный сотрудник Тихоокеанского кабинета Института мирового хозяйства АН СССР. Вдова востоковеда Плетнера Олега Викторовича, умершего в 1926 г. Судьба ее мне неизвестна.

Материалы к биографии

Из допроса В. Е. Чикирисова следует, что он был завербован в японскую разведку в Харбине в 1932 г. Гайманом (зав. отделом фирмы «Симменс-Шукерт»). При отъезде в СССР получил от него задания шпионского характера: собирать сведения о состоянии Красной Армии, о политическом и экономическом положении СССР, о состоянии военной промышленности. Приехав в Ленинград, узнал о существовании в ЛВИ контрреволюционной группы, возглавляемой Невским, и связался с ним.

В выдержке из допроса Д. П. Жукова говорится о том, что он был завербован в 1930 г. в Токио Ходзуми (сотрудник торгпредства СССР в Японии), от которого получил задание собирать шпионские материалы об оборонной мощи СССР. По приезде в Ленинград узнал о контрреволюционной группе, возглавляемой Невским, связался с ним и передал ему сведения о боевых единицах на Балтфлоте, о численности вооружения и воинских частей в Пскове, оборонной продукции Кировского завода, заводов «Красный Выборжец» и им. Марти.

Читаешь эти строки и покрываешься мурашками.

Какой ужас!

Каким пыткам подвергались люди, невинно томившиеся в сталинских застенках, если могли ставить свои подписи под такими заведомо ложными признаниями!

Для пояснения хочу привести выписку, имеющуюся во II части отцовского «дела».

«11/IX—40 г. Конрад обратился к Наркому Внутренних Дел СССР с заявлением, в котором сообщал, что осужден невинно, отрицал свою причастность к агентуре японской разведки и объяснял, что его показания о принадлежности к японской разведке ложны и даны им в силу прямого принуждения со стороны следователя либо составлены без его участия и подписаны им под физическим и психическим воздействием со стороны следователя. Далее Конрад писал, что зам. начальника отдела Голуб, следователь Трухин, нач. отдела Соловьев систематически подвергали его избиению, держали по несколько часов в "стенке" и доводили до неменяемого состояния, во время которого он подписывал ложные протоколы допросов».

Таким же пыткам и издевательствам подвергался и Николай Александрович. Это был честнейший человек, не терпевший фальши и не допускавший ее даже в мелочах. Только доведенный до неменяемого состояния он мог подписывать такие, составленные, я думаю, без его участия, бумаги. Свидетельством этому служат «закорючки» вместо подписей.

Бывшие сотрудники НКВД Гаркавенко и Слепнев сами признаются на допросах в 1957 г., что никаких материалов в отношении Невского, «свидетельствующих о его шпионской и иной контрреволюционной деятельности, у них не было», что они применяли к Невскому «стойки» и непрерывные допросы, а их начальник Голуб «избивал арестованных с целью получения признательных показаний». (Протоколы допросов бывших сотрудников НКВД Гаркавенко, Слепнева и Мирзаева, также участвовавшего в следствии, приложены во II части «дела».)

В заключении по пересмотру «дела» сказано:

«Показания о Голубе подтверждаются документами, хранящимися в Особой инспекции УКГБ ЛО, содержащие сведения о том, что Голуб и ряд других сотрудников 3 отдела избивали арестованных и фальсифицировали следственные дела».

Ниже я публикую полностью текст Обвинительного заключения, и каждый, читающий эти строки, сможет сам убедиться в нелепости обвинений, предъявленных такому человеку и ученому, как Невский. Ему было мало суток для работы, и за короткий срок пребывания на Родине он внес такой колоссальный вклад в развитие науки. Даже сейчас, спустя более полувека с момента его гибели, во многих странах интересуются его трудами, печатают их — настолько они актуальны и в наше время.

*«Утверждаю»
Зам. нач. Управления
НКВД ЛО
старш. майор Госбезопасности
_____ /Шапиро/
«__» января 1938 г.*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по след. делу № 23686 — 1937 года
по обвинению Невского Н. А.,
в пр. пр. ст. 58-1^а УК РСФСР

3 отдел УНКВД ЛО располагал данными о том, что Невский Н. А. занимается шпионажем в пользу Японии.

На основании этих данных Невский Н. А. 4/Х 1937 г. нами был арестован.

Следствием установлено, что Невский Н. А. с 1929 г. является агентом японской разведки и по заданию последней на территории СССР занимался шпионской деятельностью в пользу Японии.

Для шпионажа в пользу Японии был завербован в 1929 г. в Японии (г. Осака) чиновником Осацкого гор. Управления Симадзаки (находится в Японии).

В 1929 г. Невский Н. А. поехал в СССР с заданием японской разведки — проводить на территории СССР шпионскую работу, получив явку к сотруднику Японского Посольства Абэ.

Прибыв в СССР, Невский разыскал Абэ, установил с ней связь и через нее систематически передавал японской разведке шпионские материалы:

- а) о состоянии и мощи боевых единиц Балт. флота;
- б) о численности и вооружении Ленинградского гарнизона;
- в) о политических настроениях и боевой подготовке состава Лен. военного округа;

Материалы к биографии

г) о мощи авиации и состоянии аэродромов Лен. в/округа.

Кроме перечисленных материалов Невский систематически передавал японской разведке сведения о личном составе студентов спецсектора Лен. Военного Института, готовившего кадры переводчиков японского языка для работы в Японии и Дальневосточной Красной Армии.

Проводил вербовку лиц для шпионской деятельности в пользу Японии. Лично им завербовано 11 человек, из коих 7 человек он связал с сотрудницей Японского посольства Абэ и под ее руководством проводил шпионские работы.

На основании изложенного

Невский Николай Александрович, уроженец г. Ярославля, русский, гр-н СССР, образование высшее, б/п, с 1915 по 1929 г. проживал в Японии, до ареста — ст. ученый специалист ИВАН'а СССР обвиняется в том, что являлся агентом японской разведки и по ее заданию занимался шпионской деятельностью в пользу Японии,

т. е. в пр. пр. ст. 58-1^а УК РСФСР.

Виновным себя признал полностью. Кроме того, изобличается показаниями арестованных Жукова Д. П., Чикирисова и др.

На основании приказа
Нар. Комиссара Внутр. дел СССР
— генерального комиссара тов. Ежова
за № 00593, настоящее следственное
дело направить на рассмотрение
НКВД СССР по первой категории.

Пом. оперуполн. 2 отделения
подпись /Слепнев/

Нач. 2 отд. ст. лейт. Госбезопасности
подпись /Голуб/

«Согласен» — Нач. 3 отд. УНКВД ЛО майор Госбезопасности
подпись /Перельмутр/

В обвинительном заключении матери сказано, что «Монтани Исоко для шпионской деятельности в пользу Японии была привлечена в 1932 г. в г. Ленинграде резидентом японской разведки Невским Н. А. (арестован, сознался).

По заданию Невского Монтани проводила вербовку людей для шпионажа в пользу Японии. При ее участии Невским были завербованы японцы Мори и Хван Иван, от которых он получал шпионские материалы по Красной Армии и военной промышленности.

В 1932 г. Невский связал Монтани с сотрудниками японского посольства в Москве, разведчицей Абэ, которой Невский и Монтани передавали собранные ими шпионские материалы».

Здесь необходимо внести одно уточнение: фамилия моей мамы — Монтани-Невская, а вовсе не Монтани, и приехала она в Ленинград в 1933 г.

Обвинительные заключения как отца, так и матери составлены в январе 1938 г. без указания точной даты, т. е. через два месяца после того, как они были убиты. Подписаны они были Слепневым, Голубом, Перельмутром и никем не утверждены.

Если следственное дело направлено «на рассмотрение НКВД», логично было бы далее ожидать его решения. Однако никаких свидетельств этого нет.

К обратной стороне последней страницы каждого Обвинительного заключения приклеен синий конверт. В отцовском лежит помятый клочок серой оберточной бумаги со следующим текстом:

«Совершенно секретно

АКТ

24 ноября 1937 г. мною, комендантом УНКВД ЛО ст. лейтенантом Госбезопасности Поликарповым А. Р., на основании предписания нач. УНКВД ЛО комиссара Госбезопасности I-го ранга тов. Заковского от 23-го ноября 1937 г. за № 192880 и отношения НАРКОМВНУДЕЛА СССР от _____ 1937 г. за № _____ приговор в отношении

Невского Николая Александровича
приведен в исполнение.

Вышеуказанный осужденный
РАССТРЕЛЯН.

*Комендант УНКВД ЛО
ст. лейтенант Госбезопасности
подпись /Поликарпов/*

Треугольная печать
(НКВД СССР Управление по Лен. обл. комендант)»

Конверт в Обвинительном заключении матери вообще пустой. Перебирая бумаги части «дела», я нашла справку из Архива КГБ, датированную З/VIII—55 г., в которой сообщается, что «Решение комиссии НКВД и Прокурора СССР от «» 37 г. в отношении Невской-Монтани Исоко приведено в исполнение 24/XI—37 г.»

И далее, через несколько страниц, обнаруживаем:

«Секретно

Справка

Монтани Исоко, 1901 г. р., урож. д. Ирика, Япония,
осуждена 19/XI—37 г. к ВМН
в особом порядке комиссией НКВД и Прокурором СССР
Протокол № 88.

*Зам. нач. 2 отд. УАО УКГБ при СМ СССР по Лен. обл.
Подпись (неразборчиво. — Е. Н.)*

21/I—58 г.

Круглая печать (Архив УКГБ при СМ СССР по Лен. обл.)

Материалы к биографии

Где он, этот комендант, который с такой легкостью обрекал на смерть ни в чем не повинных людей? За один день его дежурства, 24 ноября 1937 года, были

РАССТРЕЛЯНЫ:

1. НЕВСКИЙ Николай Александрович, 45 лет
2. МАНТАНИ-НЕВСКАЯ Исоко, 35 лет
3. ВАСИЛЬЕВ Борис Александрович, 38 лет
4. ЖУКОВ Дмитрий Петрович, 33 лет
5. ЧИКИРИСОВ Василий Ефимович, 33 года
6. МОРИ Миноро, 29 лет
7. ВОРОБЬЕВ Павел Иванович, 45 лет (проходил по «делу» Васильева)

Какой ужасный, нелепый конец — гибель в расцвете сил и творчества!

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Это только семь человек, несчастных, которые упоминаются в одном «деле», попавшем мне в руки!

Так «стряпались дела» на великих ученых! Так истреблялись миллионы ни в чем не повинных людей!

Говорят, кровь рекой вытекала по трубам в Неву из подвалов КГБ, и ее разгоняли катерами.

А наше поколение пожинает плоды этих деяний...

Во II части «дела» содержатся материалы, собранные и составленные в 1955—1958 гг. при пересмотре «дел».

Первым делом через Центральный Государственный Особый Архив КГБ уточняются сведения о личности Абэ: «Абэ Йоши, 1903 г. р., урож. г. Акита (Япония) являлась сотрудником Японского посольства. В картотеке архива хранится ее удостоверение личности на право жительства в СССР с IX—37 г. по IX—40 г. С 1938 г. жила в Париже. О шпионской деятельности сведений не имеется».

Через то же учреждение наводятся справки о Невском: не занимался ли шпионажем, не состоял ли в японских разведывательных органах, уточняется решение комиссии НКВД.

Вероятно, трудно найти нужную бумагу среди миллионов и миллионов «дел». Об этом свидетельствует справка на форменном бланке:

КГБ СССР

Управление КГБ по Ленинградской области

23 марта 1956 г. В след. дело

Начальнику следственного отдела УКГБ ЛО

На проверяемого Вами

Фамилия — Невский
Имя — Николай
Отчество — Александрович
Год рождения — 1892
Место рождения — г. Ярославль

Сведения о судимости и приводах:

Арестован 4/X—37 г. по ст. 58-1^а УК

19/XI—37 г. осужден на срок свыше 3^х лет.

26/III—56 г. Подпись (неразборчиво. — Е. Н.)

И только в октябре поступает справка, соответствующая действительности.

Секретно

Справка

НЕВСКИЙ Николай Александрович,
1892 г. р., урож. г. Ярославля
осужден 19/XI—37 г. к ВМН
в особом порядке комиссией НКВД
и Прокурором СССР.

Протокол № 88.

24/X—56 г.

*Нач. 3 отд. УАО УКГБ при СМ
СССР по Ленинградской области
майор подпись (Вертиполох)*

Круглая печать

(Упр. Ком. ГБ при СМ СССР № 13)

Пока при пересмотре дел поступают ответы на запросы, на допросы вызываются свидетели. Среди них востоковеды — бывшие сослуживцы Николая Александровича: В. М. Штейн, Ю. Н. Верховский, Д. И. Гольдберг, Я. Б. Радиль-Затуловский, а также бывшие сотрудники НКВД: Гаркавенко, Слепнев, Мирзаев, участвовавшие в допросах Невского. Теперь допрашивают их, ведутся протоколы.

Делаются краткие резюме по «делам» Мантани-Невской И., Мори М., Б. А. Васильева, Д. П. Жукова, А. И. Иванова, Н. И. Конрада, которые приводятся в заключении Протеста прокурора.

Я хочу опубликовать материалы по «ознакомлению с делами» Б. А. Васильева, Мори М. и других.

Протоколы осмотра дел

- № 656155 Невская-Монтани Исоко, 1902 г. р. — всего 1 допрос. Обвинялась в шпионаже в пользу Японии. Категорически отрицала обвинение. В деле копии протоколов допроса Невского от 25/X, Чикирисова от 20/X, Жукова от 14/XI. Вели дело Монтани Гаркавенко, Корчагин, Слепнев, Голуб. Обвинительное заключение не утверждено. Расстреляна 24/XI—37 г.
- № 656175 Мори Миноро, 1908 г. р., урож. г. Иокогама (Япония), японец, гр. СССР. До ареста — референт Ленинградского музея истории религии. Арестован как японский шпион 29/V—37 г. Категорически отрицал обвинение. Расстрелян 24/XI—37 г.
- № 656140 Васильев Борис Александрович, 1899 г. р., проф. ЛГУ, н. с. АН СССР. Арестован в IX—37 г. Обвинялся в шпионской деятельности в пользу Японии. Обвинения были основаны на показаниях Невского, Жукова, Чикирисова, Казакевич, Воробьева о том, что Васильев являлся участником шпионской группы, возглавляемой Невским. До-

прошен 16/IX, 22/X, 16—17/XI. Категорически отрицал обвинение. Обвинительное заключение, составленное оперуполномоченными 2 отд., 3 отд. Трухиным и Голубом, согласованное Перельмутром, не утверждено. Расстрелян 24/XI—37 г.

- № 656147 Жуков Дмитрий Петрович, 1904 г. р., н. с. Гос. Эрмитажа. Арестован 29/V—37 г. по ст. ст. 58—8, 58—11. Обвинялся в том, что с 1932 г. является участником контрреволюционной троцкистско-террористической организации, проводит активную троцкистскую работу. По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 19/XI—37 г. расстрелян 24/XI—37 г. На допросе 14/XI—37 г. показал, что он завербован для шпионской деятельности в 1930 г. в Токио японцем Ходзуми. Вернувшись в СССР, связался с японским агентом Невским, которому передавал шпионские сведения.
- № 967627 Иванов Алексей Иванович, 1877 г. р., урож. Ленинграда, б/п, проф. Академии Материальной культуры, прож. в Москве. Закончил Университет в 1901 г. До 1922 г. проф. Университета. Перед арестом — ученый секретарь Комиссии по охране памятников культуры. Арестован 26/VIII—37 г. Признал себя виновным в японском шпионаже. Завербован в 1904 г. Симакава (Пекин). Воспитывал в японофильском духе Невского, Плетнер, Рамминг. Расстрелян 8/X—37 г.
- № 728360 Конрад Николай Иосифович, 1891 г. р., проф. ЛГУ, н. с. АН СССР. Арестован 29/VII—38 г. На допросе 13/VIII—38 г. сообщил о том, что Невский и Монтани занимались шпионажем. 22/X—38 г. написал заявление нач. УНКВД, в котором признавался, что является агентом японской разведки и занимается шпионажем в пользу Японии. Завербован в 1917 г. сотрудником японской миссии в России Уэде, с которым познакомился на квартире Иванова А. И. В 24—26 гг. Конрад связан с японским посольством в Москве (Миякава). В 1926 г. был в Японии, где получил задание — устроить на работу в Ленинграде агентов японской разведки Наруми, Монтани, Плетнер Ореста Викторовича, Невского Н. А. В 1930 г. — связь с Ходзуми, в 1933 — с Абэ. Перечислил «агентов» японской разведки: Поппе Н. Н., Панкратов Б. И., Вознесенский А. Н., Штукин А. А., Мори, Плетнер-Белаго Е. Д., Пинус Е. М., Иоффе И. Л., Кодама, Воробьев П. И., Амагаев М. И. О принадлежности Невского к агентуре японской разведки ему было известно с 1926 г. от Миякава. На допросе от 4/I—39 г. он категорически отказался от прежних показаний о своей деятельности (это вымыслы, сделанные под нажимом следователей). Имел очные ставки со Штукиным А. А., Глускиной А. Е., Колпакчи Е. М., на которых Конрад подтвердил свою шпионскую деятельность в пользу японской

На стеклах вечности... Николай Невский

разведки и изобличил в шпионской деятельности Штукина, Глускину, Колпакчи. 10/XI—39 г.

Конрад был осужден Особым совещанием НКВД на 5 лет ИТЛ.

Ниже публикую с некоторыми сокращениями заключение по «делу», которое подписано следователем следственного отдела КГБ ст. лейтенантом Кривошеевым, начальником следственного отделения майором Силиным с согласия зам. начальника следственного отдела подполковника Ионочкина:

Осмотром архивно-следственных дел по обвинению Васильева, Мори и Монтани установлено, что все они были арестованы в 1937 г. как агенты японской разведки. Виновными себя в шпионской деятельности на следствии не признали, но по решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР были расстреляны.

Сведений о принадлежности Жукова, Невского, Васильева, Монтани, Мори к агентуре японских разведывательных органов в Центр. Госуд. Особом Архиве МВД СССР не обнаружено <...>

Допрошенные в качестве свидетелей Гаркавенко и Слепнев показали, что во время допросов Жукова и Невского у них не было никаких доказательств, изобличающих их в шпионской и антисоветской деятельности <...>

Полученные в процессе проверки материалы подтвердили факты применения запрещенных методов ведения следствия со стороны сотрудников, проводивших расследование по делу Жукова и Невского, в частности, со стороны Голуба, Гаркавенко, Слепнева <...>

Показания о Голубе подтверждаются документами, хранящимися в Особой инспекции УКГБ ЛО, содержащими сведения о том, что Голуб и ряд других сотрудников 3 отдела избивали арестованных и фальсифицировали следственные дела <...>

<...> по оперативным данным Невский Н. А., действительно, в течение 15 лет проживал в Японии, в 1928 или 1929 г. вернулся в СССР, работал профессором АН, поддерживал личные связи с сотрудницей Японского посольства в Москве Абэ, своими сослуживцами Васильевым, Конрадом, Мори, имел жену — японку по национальности.

В то же время не имеется никаких сведений о шпионской деятельности Невского, хотя в постановлении на заведение дела указывается, что Невский подозревался в шпионаже <...>

Среди бумаг, находящихся во II части «дела», имеются сведения, что бывший сотрудник НКВД Перельмутр расстрелян в 1939 г. «за превышение власти», а на Голуба было заведено уголовное дело, но он покончил с собой.

Копия

В военную коллегия Верховного Суда СССР

Протест

(в порядке надзора)

по делу НЕВСКОГО Николая Александровича
19 ноября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокурором СССР за
шпионаж осужден к высшей мере наказания — расстрелу
Невский Николай Александрович, 1892 г. р.,
урож. г. Ярославля, русский, гражд. СССР, с
высшим образованием, б/п, женатый, ранее не
судимый, до ареста — научн. сотр. ИВАН'а
СССР

По обвинительному заключению Невский признан виновным в том, что он являлся агентом японской разведки и по ее заданию занимался шпионской деятельностью на территории СССР.

Постановление Комиссии НКВД и Прокурора СССР в отношении Невского подлежит отмене, а дело — прекращению по следующим мотивам:

обвинение Невского было основано на его признании и показаниях Чикирисова и Жукова, осужденных по другим делам.

На предварительном следствии Невский показал, что, проживая в Японии, он в 1929 г. был завербован для шпионской работы в СССР сотрудником японской разведки Симадзаки и в том же году выехал в Советский Союз.

В период 1932—35 гг. лично он завербовал для работы в пользу японской разведки Васильева, Монтани, Щуцкого, Мори, Хвана, Чикирисова, Жукова. Полученные от них секретные сведения он передавал сотруднице японского посольства в Москве Абэ.

Чикирисов на допросе 20/IX—37 г. показал, что по заданию японской разведки он установил связь с Невским, который возглавлял вредительско-шпионскую группу ЛВИ.

Жуков показал, что для шпионской работы в СССР он был завербован в 1930 г. Ходзуми, по заданию которого он установил шпионскую связь с Невским.

Показания Невского, Чикирисова, Жукова противоречивы и опровергаются материалами дополнительной проверки.

Осмотром архивно-следственных дел по обвинению Монтани, Мори, Васильева установлено, что все они хотя и обвинялись в шпионской деятельности в пользу Японии, однако виновными себя ни в чем не признали.

Проверкой Жукова установлено, что он был осужден необоснованно.

По делу обвинения Штукина, который, по утверждению Чикирисова, вместе с Невским входил в состав шпионской

группы, 30/IX—55 г. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Как видно из архивно-следственного дела по обвинению Конрада, который проходит по показаниям Невского как его знакомый, Конрад признал себя виновным в шпионаже в пользу Японии и в числе известных ему агентов назвал Невского. В деле Конрада имеется копия протокола допроса Невского от 25/X—37 г., который не соответствует показаниям Невского от того же числа, имеющимся в его деле, так как в ней указаны совершенно другие лица, якобы завербованные Невским, в частности Конрад, Колпакчи, Глускина и Холодович.

Допрошенные в процессе проверки бывшие сотрудники УНКВД ЛО Мирзаев, Слепнев, Гаркавенко, принимавшие участие в расследовании дела Невского, показали, что при аресте Невского никаких данных о его шпионской деятельности в их распоряжении не было. Они заявили, что в отделении, где они работали, к арестованным широко применялись меры физического воздействия.

Свидетели Штейн, Верховский, Гольдберг, Радуль-Затуловский характеризуют Невского как крупнейшего ученого-востоковеда.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР,

ПРОШУ:

Постановление Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 19/XI—37 г. в отношении Невского Николая Александровича отменить и дело его прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Подл. подп. Зам. Генерального Прокурора СССР
генерал-майор юстиции

Подпись /Е. Варской/

Копия верна: пом. воен. прокурора Лен. ВО

подполковник юстиции — *подпись /Малов/*

И, наконец, 14 ноября 1957 г. Военным Трибуналом Белорусского военного округа Постановление от 19/XI—37 г. было отменено, и Невский Николай Александрович за отсутствием состава преступления был реабилитирован. Непонятно только, почему ВТ Белорусского ВО? Мне так и не смогли объяснить. Мама реабилитирована позже, 18 февраля 1958 г. Ее «дело» пересмотрено ВТ Ленинградского ВО. К великому сожалению, оба реабилитированы посмертно.

Сразу после ареста родителей я превратилась в «дочь врагов народа». Таких, как я, были миллионы. Это особая категория людей, которых не расстреливали сразу, как их родителей, а убивали морально, долго и упорно. У них было отнято детство, искалечена юность, у многих разбита вся жизнь.

Детей младшего возраста либо помещали в специальные детские дома с соответствующими режимом и отношением к ним, либо отправляли с матеря-

Материалы к биографии

ми в ссылку. Тех, кто постарше, исключали из институтов, комсомола, лишали дипломов, выселяли из больших городов. Квалифицированная работа была им недоступна, двери большинства учебных заведений — закрыты. Эти люди, поистине «униженные и оскорбленные», всю жизнь носили клеймо «детей врагов народа». Из-за этого личная жизнь некоторых из них не сложилась, многие из-за боязни испортить «карьеру» своему другу или подруге оставались одинокими.

Мне повезло лишь в том смысле, что я случайно избежала казенщины и сразу после ареста родителей попала к хорошим людям. Если бы не мамин обморок, я также оказалась бы в детдоме.

В младших классах я не чувствовала дискриминации. Из класса в класс переходила с похвальными грамотами, была октябренком, затем — пионеркой, собиралась, как и все, вступать в комсомол. На пионерских сборах я вместе со всеми дружно скандировала: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Когда в 7 классе мне как отличнице одной из первых предложили стать комсомолкой, я была счастлива и горда. На заседании комсомольского бюро я рассказала свою биографию и услышала: «Детям врагов народа нет места в комсомоле!» Трудно передать словами, что я тогда пережила! Ведь я никогда, ни при каких обстоятельствах не сомневалась в правоте моих родителей, и такие заявления были для меня оскорбительны. Кроме того, в пору моей юности не комсомольцами были лишь заядлые хулиганы и второгодники. Рушились мои идеалы, я теряла веру в справедливость.

Я всегда училась хорошо и выполняла все общественные поручения добросовестно в отличие от некоторых комсомольцев, получавших двойки и увиливающих от нагрузок. Когда же проводились закрытые комсомольские собрания и некомсомольцев просили удалиться, я одна, покрываясь красными пятнами и провожаемая взглядами всего класса, вставала и уходила. Каждый раз мне казалось, что я получаю очередную пощечину. Это ощущение сопровождало меня и в школьные, и в студенческие годы.

Школу я окончила в 1946 г. в Таллинне, где жила с Афросимовыми, заменившими мне родителей. С приличным аттестатом (только три четверки, остальные пятерки), по настоянию Конрадов, я поехала в Москву поступать в медицинский институт. Конкурс на вступительных экзаменах был колоссальный — это был первый год массовой послевоенной демобилизации, и многие военные пошли учиться, их принимали вне конкурса. Без экзаменов зачисляли тех, кто окончил школу с золотой медалью. Для поступления в институт «простые смертные» должны были сдать все вступительные экзамены на «5».

Я благополучно сдала экзамены, но в списках зачисленных в институт своей фамилии не нашла. Меня не пропустила существовавшая тогда мандатная комиссия, которая отбирала абитуриентов только с кристально «чистыми» анкетами (там были вопросы о плене, оккупации, репрессированных и т. д.).

Я вернулась в Таллинн с решением идти работать. Но куда? У меня не было специальности. Наконец, я поступила в ЭТА (Эстонское телеграфное агентство). В течение месяца меня обучали машинописи, затем перевели работать радиоприемщицей (принимать по радио материалы для газет). Я была очень довольна. Мне нравилась сама работа и, кроме того, я работала в паре со своей школьной подругой. Я была счастлива, что стала самостоятельным человеком, сама зарабатывала себе на хлеб.

Когда в Таллинн вернулась из эвакуации наша дальняя родственница, Ирина (на три года старше меня) и встал вопрос, куда ей идти работать, я

посоветовала следовать моему примеру (радиоприемщицы в ЭТА требовались). На службе я представила ее как свою кузину, и ее приняли на работу.

Примерно через месяц меня вызвал к себе директор ЭТА А. А. Кейс. Когда я появилась в дверях его кабинета, он приветливо обратился ко мне: «Нелли? Ленинград, улица Блохина, 17/1, квартира 5?» — «Да», — ответила я с удивлением (так звали меня только близкие, а адрес назывался мой, но старый, родительский). Он быстро начал что-то говорить. — «Простите, я Вас не понимаю». — «Очень жаль. А было время, когда я сажал Вас на колени и Вы со мной отлично разговаривали по-японски и даже поправляли меня». Выяснилось, что он занимался японским языком у моих родителей в ЛВИ и даже бывал у нас дома. Он спросил, живы ли родители, есть ли о них какие-либо сведения, и, услышав ответ, вздохнул и с сожалением сказал: «Какие хорошие это были люди! Как жаль их!» Затем, поинтересовавшись, нравится ли мне работа, простился со мной, пожелав успеха.

Не прошло и недели, как я, а вместе со мной и Ирина были уволены с работы «по сокращению штатов».

На следующий год я вновь поехала в Москву поступать в другой медицинский институт, но меня постигла та же участь, что и годом раньше.

Но мне очень хотелось учиться.

Узнав, что в институте физкультуры проходят анатомию и физиологию (а я мечтала стать врачом), я пошла туда и меня сразу же приняли с экзаменационным листом из мединститута. Для того чтобы жить и учиться в Москве, нужна прописка. Конрады, жившие в Москве, хотели, чтобы я поселилась у них. Когда я пришла в 1-й стол милиции за разрешением на прописку, мне отказали из-за того, что мои родители были репрессированы. Прописали меня где-то за городом, а жила я на улице Веснина в деревянном домишке (снимала «угол» у одной старушки).

Проучившись год в физкультурном институте, я поняла, что ничего общего с медицинским он не имеет, и с большим трудом отчислилась. Из этого института для меня оказалось труднее уйти, чем поступить (отпускали только по состоянию здоровья, на основании заключения медкомиссии).

Только в 1948 г. я поступила в медицинский институт, но уже в Ленинграде. Сбылась моя мечта. К тому времени исчезли уже те изуверские анкеты, что были пару лет назад. Но маленькую тактическую хитрость я все же применила. Я знала: напиши я всю правду о родителях, вновь окажусь за бортом. Лгать я не могла, поэтому в автобиографии написала туманно: «Я рано потеряла родителей и воспитывалась в семье моего дяди В. Л. Афросимова». Я решила: если спросят, что значит «рано», я расскажу то, что есть. Меня не спросили, и я была принята в институт. Получив высшее образование, я стала врачом.

После реабилитации родителей дышать стало легче. Но полного покоя я не ощущала и в дальнейшей жизни, так как никогда не была уверена в завтрашнем дне.

Пусть простят меня читатели, что я так подробно описываю свою жизнь. Я — дочь Невского, дочь своих родителей. Наши жизни взаимосвязаны. Не будь таким трагичным их конец, и моя жизнь сложилась бы иначе.

Несмотря на все унижения и оскорбления, которые достались на мою долю, я всегда гордилась своими родителями и считаю, что они — люди с большой буквы и достойны того, чтобы их помнили и уважали.

Книга переживет всех нас, поэтому я написала всю правду, чтобы потомки знали, какая чудовищная эпоха выпала на нашу долю.

Пусть все это останется в прошлом и никогда не повторится!

Материалы к биографии

Реабилитация — великое дело! Миллионам людей были возвращены их честные имена. Все те, кто попали под Постановление от 19/XI—37 г. и были расстреляны 24/XI того же года, были посмертно реабилитированы.

Тысячи людей, перенесшие все тяготы лагерной жизни, но сумевшие остаться в живых, могли наконец расправить плечи и вздохнуть полной грудью.

Для меня реабилитация имела особый смысл. Она означала, что труды моего отца, свыше 20 лет томившиеся в заточении, наконец могли вырваться на свободу.

Первым увидел свет в 1960 г. двухтомник «Тангутская филология», подготовленный к печати канд. ист. наук З. И. Горбачевой.

«Тангутика» — это папино детище, которому он отдавал свои силы и здоровье. Сколько бессонных ночей он провел, работая над рукописями. Это его радость и гордость. Мысли о «тангутике» не давали ему покоя даже в заключении. Он беспокоился о судьбе своих рукописей, боялся, что они окажутся в чьих-нибудь нечистых руках и пропадут.

В изданном двухтомнике находится и словарь, который является ключом к тайне тангутских рукописей, дает возможность изучать историю и культуру тангутов по их собственным книгам и позволит в будущем восстановить историю погибшего народа.

Выход в свет этого фундаментального труда стал сенсацией для ученых всего мира. Его значение сравнивали с открытием египетских пирамид, говорили, что автор достоин золотого памятника. В нашей стране Н. А. Невскому было присвоено звание лауреата Ленинской премии (посмертно).

Как жаль, что отец не дожил до этих дней! Он был бы счастлив увидеть «Тангутику» в виде книги и знать, что она нашла признание во всем мире и высоко оценена на его Родине.

Здесь уместно будет вспомнить слова великого японского ученого, проф. Исихама Дзюнтаро, написанные еще в 1934 г.: «Невский стоит во главе всей мировой науки о Си-Ся. Он начал изучать си-сяскую письменность под моим руководством, но случилось с ним то самое, о чем говорит китаец Сюнь-цзы в своем знаменитом изречении: "Синий цвет идет из индиго, но синее самого индиго (*лань*)". Он является основателем си-сяской фонологии и сделал тангутоведение лингвистической наукой».

В последующие годы стали издаваться другие работы Н. А. Невского. Так, в 1972 г. вышла книга «Айнский фольклор», в 1978 г. — «Фольклор островов Мияко», в 1981 г. — «Материалы по говорам языка цоу и словарь диалекта северных цоу». Благородное дело по подготовке к печати научного наследия Н. А. Невского и по сей день продолжает кандидат филологических наук Л. Л. Громковская. Ею совместно с докт. ист. наук Е. И. Кычановым также написан очерк «Николай Александрович Невский» серии «Русские востоковеды и путешественники». Ранее Е. И. Кычановым издана научно-популярная книга «Звучат лишь письмена».

«Так советские востоковеды воздают должное памяти великого ученого, а отечественная и мировая наука получает в свое распоряжение ценнейшие материалы по фольклору, лингвистике, этнографии, истории народов Восточной Азии», — написал в предисловии к книге «Материалы по говорам языка цоу...» М. Чигринский.

Я понимаю, что подготовить к печати материалы из архива — это очень большая и скрупулезная работа, поэтому мне хочется выразить свою искреннюю благодарность всем тем, кто причастен к изданию книг моего отца.

Невского нет, но дело, которому он посвятил свою жизнь, нашло продолжателей. Это новое поколение ученых, среди которых отмечу ленинградцев докторов наук Е. И. Кычанова и К. Б. Кепинг.

Н. А. Невскому принадлежат труды по различным восточным языкам, но основной его специальностью была японистика.

В следственном деле Невский назван японофилом. Действительно, он искренне любил Японию: ее природу, культуру, людей, их традиции и обычаи. Эта любовь проявлялась и в его личных привычках, манере поведения. Возвращаясь с работы, он всегда переодевался в кимоно, а летом на даче ходил в нем даже на улице. Занимался он, сидя на полу, застланном татами, за низким японским столиком. Так продолжалось до 1934 г., когда купили большой письменный стол. Со всеми, хоть немного знавшими японский язык, он разговаривал только по-японски. А владел он языком блестяще! По воспоминаниям проф. Киндайти, «даже в трамвае (в Японии. — Е. Н.) во время движения они не прекращали бесед об айнах, при этом Невский удивлял всех своим прекрасным языком. Для полноты эффекта, производимого им, Невский разговаривал в полный голос». Ока Фумио, живший в Ленинграде в 30-е годы, говорил: «Речь Невского — это музыка для японского уха».

Н. А. мог часами рассказывать о Японии и всегда с восторгом.

Надо сказать, что и в Японии чтят память Н. А. Невского, хотя прошло более 60 лет с тех пор, как он покинул эту страну. В этом я убедилась, посетив Японию в 1989 г. по приглашению Общества японско-советской дружбы.

Мне, дочери Невского, была устроена торжественная встреча: телевидение, пресса, кино- и фоторепортеры, представители общественности. Надо добавить, что накануне газеты сообщили о моем приезде, поместив мой портрет, и в дальнейшем ежедневно информировали о моем времяпрепровождении.

В Японии я провела две недели; неделю — в Саппоро и неделю — в Осака.

В Саппоро председатель Общества японско-советской дружбы господин Сибано и его жена дали обед в честь моего приезда, на котором присутствовали мои родственники, представители прессы и телевидения, а также сотрудники нашего консульства.

За две недели пребывания в Японии я побывала в 11 городах и получила массу незабываемых впечатлений: от божественной природы, древней архитектуры, а самое главное, от встреч с людьми. Такую страну нельзя не любить!

В Саппоро я жила у родной тети — Ятиё-сан — младшей сестры моей матери. У мамы были брат и семь сестер, причем мама была самой старшей. В 1989 г. в живых осталась только одна Ятиё-сан. Она заботилась обо мне, старалась предупредить каждый мой шаг, сделать мою жизнь комфортной. Я могла обратиться к ней с любой просьбой как к родной матери, хотя Ятиё-сан старше меня только на пять лет. Ее муж так же тепло, по-родственному относился ко мне, и мне в их доме было очень хорошо и покойно. Я им очень благодарна за тепло, заботу и внимание.

Почти ежедневно меня навещали двоюродные братья: Казо-сан и Миками-сан. Вместе с ними мы ездили к родственникам в г. Сякотан и в деревню Ирика — на родину моей матери. От большого дома, принадлежавшего когда-то семье моей матери, остался только фундамент, на котором уже другими людьми построен маленький домик. Мы побывали на деревенском кладбище и навестили могилу бабушки. Говорят, она меня очень ждала.

По пути в Сякотан мы осмотрели морской аквариум, дельфинарий и Этнографический музей. В г. Отару состоялась встреча с директором и преподавателями Коммерческого института, в котором в 1920—22 гг. работал мой

Материалы к биографии

отец. Было сказано много теплых слов в его адрес. Мне показали фотографии, на которых Невский запечатлен со своими учениками. Я подарила институту большой портрет моего отца.

Во время этой поездки у нас были две трогательные встречи. Первая из них — с женщиной, которая, случайно услышав фамилию «Невский», специально подошла поприветствовать нас. Оказалось, что о Невском она читала в книге К. Като «Небесный змей».

Вторая встреча произошла в г. Отару. Родственники хотели показать мне дом, в котором когда-то жил Н. А. Приехав на место, мы встретили пожилую японку в кимоно. Из разговора с ней выяснилось, что она прекрасно помнит Н. А. По ее словам, это был худощавый блондин со светлыми глазами. О себе она рассказала: ей 84 года, она владелица магазина, прожила в этом доме всю жизнь и знает, что Невский жил «вон там», — и указала на дом через дорогу.

Е. Н. Невская в Японии.

Эти две случайные встречи могли бы быть иллюстрацией суждения, что в Японии каждый человек, имеющий среднее образование, знает фамилию «Невский». Как это ни грустно, но на родине Н. А. японисты, окончившие институт восточных языков при МГУ¹ в 50—70-х годах, даже не слышали о нем.

В Саппоро была интересная автобусная экскурсия, позволившая познакомиться с городом, его окрестностями и посетить «Историческую деревню» и Историко-этнографический музей.

С первого дня пребывания в Саппоро нас повсюду сопровождал фотокорреспондент издательства «Хоккайдо Симбун» г-н Кувадзима. Находясь по-

¹ В настоящее время — Институт стран Азии и Африки при МГУ (Примеч. ред.).

стоянно под прицелом объектива его фотоаппарата, вначале я чувствовала себя неловко, особенно во время трапезы: я плохо владела палочками для еды. Вскоре я приобрела некоторый навык в обращении с палочками, неловкость прошла, и мы стали с ним большими друзьями.

Кроме этого были и официальные встречи: с президентом издательского концерна «Хоккайдо Симбун», директором телецентра и Генеральным консулом.

Вообще в Саппоро я приобрела много хороших друзей. Я была окружена вниманием, участием и теплом. Не припомню такого за всю свою жизнь... Называли меня не иначе, как Нэри-тян. Саппоро стал для меня близким и дорогим городом, и мне было грустно уезжать. В аэропорту меня провожали родственники и новые друзья. Я волновалась, что должна лететь одна, а языка я не знаю. Но все обошлось — в Осака меня встречали проф. К. Оно и К. Ямагути. Проф. Ямагути был моим гидом в течение пяти дней. Он старался сделать мое пребывание в Осака интересным и насыщенным. С утра до вечера мы были на ногах, постоянно поглядывая на часы, чтобы куда-нибудь не опоздать. Зато впечатлений было очень много.

В первый же день состоялась встреча с профессорами и преподавателями Института иностранных языков (22 человека), на которой было прочитано несколько докладов. Подчеркивалось, что докладчики — продолжатели работ Невского, его ученики.

На эту встречу приехал известный в Японии писатель Исихама Цунэо, с которым я была знакома в детстве. Он описывал отдельные эпизоды, которых я, увы, не помнила.

Там же я встретила Светлану Плетнер, дочь Ореста Викторовича Плетнера, востоковеда, окончившего Университет в Петербурге, кажется, вместе с моим отцом. Так же как и отец, он был послан в Японию, женился на японке, но в отличие от Н. А. остался там. Умер в 1969 или 1971 г. Светлана получила высшее образование в Париже и преподает в Японии английский и французский языки. У нее сохранилось много наших детских фотографий. Копии некоторых из них были сделаны к моему приезду.

Вместе с Ямагути-сан мы осмотрели бывшую территорию Осацкого института иностранных языков, где в течение семи лет работал Н. А. Из зданий старой застройки сохранилась только библиотека. Позже мы побывали в новом просторном здании института, построенном в современном стиле.

В Тэнри мы посетили библиотеку при университете, где хранится архив Невского, состоящий из тетрадей, фотографий и бумаг. Перебирая эти бумаги, я жалела, что не знаю японского языка. Как это было бы кстати!

Мы побывали в храме Тодаидзи в окрестностях г. Нара. Он произвел на нас неизгладимое впечатление своей архитектурой и внутренним убранством.

В Киото мы приехали в канун фестиваля Гион, так что непроизвольно стали участниками народного гулянья. В необыкновенной красоты парках «Рёан-дзи» и «Кинкаку-дзи» мы гуляли с Ямагути-сан и его женой.

Вместе с Исихама-сан мы посетили могилу его отца, Исихама Дзюнтаро, на острове Авадзи и почтили его память. Вечер провели в уютном ресторанчике в Осака. Я была в красивом кимоно и выглядела настоящей японкой.

На встречу с Ясуда-сан в Окаяма нас домчал на огромной скорости суперэкспресс Синкансэн «Хикари»-265. Потрясающая поездка!

Последние три дня я провела в Токио, из них два — у проф. Като. Они с женой — мои давние друзья. В последний день в ресторане гостиницы «Нью Отани Инн» мой двоюродный брат Койё-сан устроил прощальный ужин, за которым собрались члены его семьи и наша с ним кухня с мужем. За время пребывания в Японии я повидалась со многими родственниками. На банкете

в Саппоро собралось 47 человек! А в Сякотане — еще десять человек, которых я не видела в Саппоро. Вот какая я богатая, а я-то думала, что в Японии живет одна моя тетушка, и рассчитывала увидеться с ней хотя бы разок во время своей поездки.

В аэропорту меня провожали жена и сестра Койё-сан и, конечно, моя переводчица Идзуми-тян. Эта очаровательная девушка отлично справлялась со своими обязанностями. В Саппоро мы жили с ней неразлучно целую неделю под одной крышей. Я звала ее Изюмчик.

Низкий поклон и глубочайшая благодарность г-ну Сибано, профессорам Като и Ясуда, моим родственникам и всем, всем, кто помог мне осуществить мою давнюю мечту — побывать в Стране Восходящего Солнца. Я счастлива, что на склоне лет смогла побывать в этой чудесной, незабываемой стране, похожей на сказку. Эта поездка останется в моей памяти как краткий, но ослепительный «луч света в темном царстве».

У народа цоу Через 64 года после Н. А. Невского

Б. Л. Рифтин

Среди разносторонних научных трудов Н. А. Невского определенное место занимает исследование языка малоизвестного народа цоу, живущего в горах Алишань на о-ве Тайвань. Мы не знаем, почему из языков тайваньских аборигенов Невский выбрал для изучения именно язык цоу, скорее всего потому, что этот язык до того не был исследован или хотя бы удовлетворительно описан в науке. К лету 1927 г., когда Н. А. Невский отправился на Тайвань, только в Японии, где тогда работал этот ученый и откуда он предпринял свое путешествие на остров, аннексированный японцами в 1895 г., существовали весьма несовершенные описания этого языка. Так, Невский ссылается на четвертый том «Отчетов по обследованию туземных обычаев племен Формозы» Ю. Кодзима, изданных в Тайбэе (или, как он назывался тогда по-японски, Тайхоку) в 1918 г. Там была глава, содержащая лингвистические наблюдения над языком цоу. По признанию самого японского ученого, процитированному Невским, это описание «не может претендовать на полноту и точность»¹.

Как известно, Невский составил первое действительно научное описание языка цоу, особенно его фонетики (грамматику ученый планировал написать в дальнейшем, но так и не смог этого сделать, так как в 1937 г. был арестован в Ленинграде и вскоре расстрелян).

Книга Н. А. Невского «Материалы по говорам языка цоу» была издана в 1935 и переиздана в 1981 г. с приложением факсимиле «Словаря диалекта северных цоу», составленного автором в полевых условиях. Жизненный и научный путь Невского достаточно хорошо описан в нашей науке усилиями Е. И. Кычанова и Л. Л. Громковской. Русскими и японскими учеными изда-

¹ Н. А. Невский. Материалы по говорам языка цоу: Словарь диалекта северных цоу. М., 1981. С. 23.